

**ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(на примере отношения к военному
духовенству)**

Старостенко Элеонора Викторовна
магистр исторических наук, аспирант
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В годы Первой мировой войны в рядах российских войск часто звучал лозунг «За веру, царя и отечество», который достаточно полно отражал систему ценностей, прививаемую офицерам и нижним чинам. Стоящее первым в этом девизе слово «вера» свидетельствовало о значительности той идеологической роли, которая отводилась религии в военной среде, как и в

русском обществе в целом. Посредством обращения к религиозным чувствам осуществлялось патриотическое воспитание воинских чинов, формировалось необходимое для командования отношение к происходящим военным и политическим событиям. Религиозность воинских чинов была одним из рычагов, посредством которого в армии поддерживались «правильные» настроения.

По мере того, как Российская империя увязала в мировой войне и несла людские и территориальные потери, изменялись настроения и в российской армии. В первую очередь это касалось политических взглядов военнослужащих, однако война не могла не сказаться и на их религиозности, в особенности нижних чинов. Изменение отношения к религии было вызвано рядом факторов. С одной стороны, в войне, где, как убеждали армию, с ней был Бог, и участие в которой есть воля Божья, неудачи следовали одна за другой, а линия фронта осенью 1915 г. и вообще установилась на территории Российской империи. С другой стороны, верующие вынуждены были вступать во внутренний религиозный конфликт, в котором с одной стороны стояла заповедь «Не убий», а с другой – необходимость участия в бое-

вых действиях и выполнении военных приказов убивать. Кроме того, армия (особенно нижние чины) постепенно приходила к пониманию, что военное духовенство служит интересам царской власти, требующей продолжения войны любыми силами. А по мере того, как подрывался авторитет императора в солдатской среде, снижалась и поддержка всего, что было связано с российской монархией. В вопросах религиозности армии это в первую очередь касалось военного духовенства.

Модернизированный в конце XIX века институт военного духовенства должен был удовлетворять религиозные нужды российской армии путем направления в воинские формирования, госпитали, лазареты православных священников. В ведомстве протопресвитера предъявлялись высокие требования к служебным и личным качествам военного духовенства: оно должно было быть достаточно образованным, инициативным, опытным в пастырском деле и, конечно, подходить по состоянию здоровья (священник должен был быть не пожилым и способным переносить все тяготы походной жизни). В действительности же в годы войны 1914–1918 гг. в армейской среде оказалось большое число иереев и иеромонахов, не удовлетворяющих заявленным требованиям. Однако в условиях военных действий проводить полноценную проверку поступавшего в распоряжение протопресвитера духовенства не представлялось возможным, остро ощущалась нехватка кадров. Поэтому в армии Российской империи встречались как достойные священники, способные поддерживать своей работой должный уровень уважения к церкви и религии, так и те, кто своими действиями подрывал авторитет института военного духовенства и православной церкви в целом.

На ранних этапах войны в действующей армии наблюдалось активное участие воинских чинов в культовой деятельности. Это было принято объяснять их высокой религиозностью. Такая точка зрения была поддержана даже иностранцами. В статье доктора Штильмана, профессора богословия Иенского университета, опубликованной в «Вестнике военного и морского духовенства», был помещен анализ поведения русских солдат в плену и в бою. Богослов писал о том, что главная ошибка германских стратегов состояла не в том, что они недооценили численность и вооружение русских войск, а в том, что не учли особенности духа русского народа, который проникнут глубокой религиозностью. Единение русской армии, которое было загадкой для германского командования, профессор связывал с религиозным подъемом в воинской среде: «Какой-то дьявол (!) вбил в умы этих мистиков, будто германцы оскверняют их церкви, вешают «попов», покушаются на их веру. Этого довольно было, чтобы из слабосильных русских дикарей сделать новых крестоносцев, геройски умирающих за родную религию» [1, с. 605]. Автор отмечал высокую степень религиозности солдат, которые, умирая, ни о чем не просили, никому не хотели писать, а только звали своих «попов» и мучились, не имея возможности причаститься последний раз. «Таких фанатиков сломить очень трудно, – делала вывод автор, – германским войскам придется встретить еще более страшное сопротивление, когда они ворвутся вглубь России» [1, с. 606].

Считалось, что в условиях войны для православных солдат возможно исповедоваться и причаститься, получить благословение от полкового священника, особенно перед боем, приобретала особое значение. Но даже если воинский чин не нуждался в участии в обрядности, участие в богослужениях и молебнах носило для него обязательный характер.

Об отношении солдат к военным священникам писал в своих письмах к Е. Мосоловой протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский. Он неоднократно сообщал о расположении армии к военным священникам: «...Уважение к духовенству в армии огромное», «...духовенство работает, как никогда; престиж его в армии поднялся на небывалую высоту» [2, с. 88]. В последнем из опубликованных писем подтверждалось сохранение хорошего отношения к духовенству в армейской среде. Это объясняется с одной стороны тем, что крайней датой этих писем является апрель 1916 г., в то время как нарастание недовольства в армии начинается только в конце 1916–1917 гг., особенно после февраля 1917 г. С другой стороны, переписки могла коснуться цензура, возможно письма проверялись, а реальное положение дел в армии не должно было получать огласку [2, с. 87].

В периодике, особенно церковной, неоднократно сообщалось о деятельности священников и ее влиянии на солдат. Периодическая печать, конечно, в рассматриваемый период проходила цензуру. Применительно к православному военному духовенству это означало публикацию материалов преимущественно положительного характера. Например, в «Вестнике военного и морского духовенства» в 1914 г. в статье «Богослужение на войне» так отражено, какое влияние мог оказывать священник на солдатскую среду: «Тесным кольцом окружают солдатики своего пастыря и внемлют его слову. Вот, где-то раздался глубокий вздох одного, скатилась слеза из глаз другого. Все проникаются сознанием важности своего воинского долга и преисполняются решимостью победить врага ради счастья своей отчизны и достижения, в случае смерти в бою, венца мученического» [3, с. 829].

Религиозность военнослужащих использовалась для повышения боевого духа армии. Пример тому – «чудеса» и распространение сообщений о них. Советские исследователи утверждали, что так называемые чудеса организовывались самими священниками и офицерским составом, для поддержания духа войск. Так, в «Вестнике военного и морского духовенства» в 1915 г. сообщалось о появлении на небе образа креста после совершения молебна, и это событие «принесло и великое утешение в переживаемые трудные минуты» [4, с. 444]. Статьи схожего содержания появлялись на протяжении войны вплоть до революционных событий 1917 г.

Православная церковь после отречения Николая II и Михаила Романова от престола, и перехода власти к временному правительству оказалась в «совершенно новом для себя церковно-политическом положении и в известной мере была дезориентирована» [5, с. 160]. Она подвергалась критике в прессе, на заседаниях государственной Думы. Коренным образом изменилось отношение к священнику в армейской среде. Религиозность солдат, которая считалась непоколебимой, повсеместно начинает падать. Вместо благоговейного отношения к церковным обрядам, священнику в армейской среде происходит отказ от участия в культовой и внекультовой деятельности. Обязательные богослужения отменяют, и число посещающих их резко сокращается. Теперь в священниках видят лишь проводников идей царизма (что понятно, ведь на протяжении нескольких лет они возносили молитвы за царский дом, и призывали сражаться за царя и отечество).

В своих циркулярах протопресвитер признавал, что молитва в армии «заброшена» (1 августа 1917 г.). Даже к самому Г. Шавельскому солдаты уже не сохраняют прежнего хорошего отношения. Например, в мае 1917 г. в одном из сибирских стрелковых полков 10-й армии речь протопресвитера была встречена негативно, а сам он был вынужден спасаться бегством от разъяренной толпы, сдержанной старослужащими солдатами [6, с. 277].

После революционных событий неуважение к духовным лицам выражалось открыто: солдаты срывали беседы, угрожали, не допускали священников в часть. Полковые и госпитальные советы принимали решения об упразднении должности священника при воинском формировании, рассматривали на своих заседаниях жалобы на полковое духовенство.

Для большинства священников такие условия работы стали невыносимыми. В 1916 г. были учреждены должности проповедников армий. Назначенные на эти должности священники должны были разъезжать по воинским формированиям армии и проводить беседы. Проповедниками становились опытные, авторитетные в воинской среде священники, обладающие хорошими ораторскими способностями [7, с. 33–34]. Но даже они в 1917 г. столкнулись с враждебностью со стороны солдат. На условия работы в 3-й армии в 1917 г. жаловался проповедник Иоанн Голубев: в одном из своих отчетов протопресвитеру он писал, что во время проповедей слова «победа», «начальство», «подчинение» и «дисциплина» сопровождалось выкриками из толпы «дойой», «вон его», «провокаатор», «буржуй», «поп-кровопийца», «паук», «арестовать его» и прочее [8, л. 173 об.].

Религиозность была важной составляющей психологии солдат российской армии. В первые годы войны в армии наблюдалось благоговейное отношение к религии и уважительное к священнику. Однако неудачи на фронтах, усталость воинских чинов от затянувшейся войны, активная деятельность антивоенных групп подрывали это отношение.

нархических агитаторов привели к постепенному разочарованию в действующей власти и во всех, кто ее поддерживал. Революционные события 1917 г. окончательно изменили отношение к Православной церкви, как стороннице монархии. Военный священник, как призывающий воевать за «царя и отечество», в короткие сроки потерял авторитет и влияние в солдатской среде. Культурная и внекультурная деятельность в условиях провозглашенной Временным правительством свободы совести пришла в упадок, а священники, столкнувшиеся с новыми настроями армии, были вынуждены покинуть свои должности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благочестие русского солдата // Вестн. военного и морского духовенства. – 1915. – №19. – С. 605–606.
2. Старостенко, Э. В. Изучение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны на основе источников личного происхождения / Э. В. Старостенко // Вестн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманіт. навукі : гісторыя, філасофія, філалогія. – 2016. – № 1. – С. 86–90.
3. Кармазин, Г. Богослужение на войне / Г. Кармазин // Вестн. военного и морского духовенства. – 1914. – № 24. – С. 828–830.
4. Чудесное явление креста // Вестн. военного и морского духовенства. – 1915. – № 13–14. – С. 443–444.
5. Старостенко, В. В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории : монография / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2004. – 266 с.
6. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / Г. Шавельский. – Т. 2. – Нью-Йорк, 1954. – 412 с.
7. Старостенко, Э. В. Учреждение должности проповедника в российской армии в годы Первой мировой войны и их служение в армиях Западного фронта / Э. В. Старостенко // Религиоведение в системе социально-гуманитарного знания и образования : сб. материалов науч.-практ. конф. / УО «МГОИРО» ; под общ. ред. О. В. Дьяченко, В. В. Старостенко. – Могилев, 2016. – С. 32–36.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10312.